

В КОРОЛЕВСКОМ АФГАНИСТАНЕ. СТАТЬЯ–ВОСПОМИНАНИЕ

В тексте, соединяющем признаки научной статьи и мемуарного жанра, автор приводит и анализирует наблюдения, сделанные им в 1970–1971 гг., во время работы в Советско-Афганской археологической экспедиции, в сельской местности Северного Афганистана. Автор мог наблюдать за двумя социальными группами: как за безземельными издольщиками и сельскохозяйственными рабочими, так и за резко различающимися типажами зажиточной верхушки деревни. Наблюдения также касаются облика афганской деревни 1970-х гг. и внешних признаков обнищания ее жителей, конфликта между пуштунами и туркменами, строгой возрастно-половой сегрегации и обусловленных ею способов удовлетворения сексуальных потребностей мужчин.

Ключевые слова: археологическая экспедиция, Северный Афганистан, рабочие на раскопе, драка, половая сегрегация, вид деревни, Курбан Клыч, Ахмед, Хаджи-баба.

Прошло 43 года с того момента, когда сардар Мухаммед Дауд, двоюродный брат и зять короля Мухаммеда Захир Шаха, сверг своего родственника и патрона и провозгласил республику¹. Через пять лет молодые офицеры свергли и Дауда, к власти пришло прокоммунистическое правительство Тараки, и почти сразу же началась гражданская война. Ещё через год престарелое Политбюро ЦК КПСС приняло решение о вводе советских войск в Афганистан. «Интернациональная помощь» афганскому народу затянулась на долгие девять лет, обернувшись для тех, кто «помогал», десятками, а для тех, кому «помогали» – сотнями тысяч убитых, людей, изувеченных физически и искалеченных психически². Можно спорить, способствовала ли развалу СССР его последняя война, и если да, то в какой степени. Но, думаю, нет сомнений в том, что цепь событий, начатая переворотом Дауда, а завершившаяся переходом генерала Громова через Аму-Дарью, для жителей Афганистана означала не просто полную утрату какой-либо стабильности. Эта цепь привела к настоящей катастрофе. И поныне не видно конца принесённому ей хаосу, по своей продолжительности и разрушительной силе превосходящему все прочие кризисы в истории страны. Насилие стало в ней обыденностью.

Когда читаешь о жертвах и разрушениях в Афганистане за эти 40 лет; когда вспоминаешь гандхарские скульптуры Хадды (Tere Shutur-

¹ Слинкин 2001.

² Если говорить только о погибших, то наиболее часто встречаются следующие цифры: 15 тыс. с советской стороны, свыше 1 млн – с афганской, включая сюда потери правительственных войск, вооруженной оппозиции и гражданского населения (Мендкович 2009).

e-Hadda), разнесенные в прах тяжелыми минометами еще первых моджахедов³, или бамианских Будд, уничтоженных талибами; когда читаешь свидетельства очевидцев о публичных казнях по шариату или их художественные описания в романах Халеда Хоссейни⁴, до-даудовский Афганистан представляется царством патриархальной стабильности, где жизнь была пусть бедной и отсталой по меркам развитого мира, но по своему человеческой, не поражённой до основания насилием. И невольно хочется воскликнуть: Насколько лучше было при Закир-шахе!

Точно было куда безопаснее. Но под покровом видимой безопасности вызревало подспудно то, что её уничтожило. Сама эта безопасность была не благом, «достигнутым посредством некоего коллективного действия»⁵, а всего лишь оборотной стороной их покорности, их терпения. И когда кончился запас того и другого, безопасность и подпиравшая ее окостенелая стабильность ушли безвозвратно.

Я глубоко убеждён: социально-политическая тишь действительно может быть чревата взрывом; стабильность действительно бывает мертвящей; безопасность, когда процесс её достижения и сохранения отчужден от жаждущих её людей, может рассыпаться в прах с удивительной быстротой. И эта убежденность в немалой степени питается теми глубоко запавшими в память впечатлениями от Афганистана, которые я вынес в ходе полугодового пребывания в нем в 1970–1971 гг. – в последние «тихие» годы королевского Афганистана.

СААЭ

В 1969 г. начала работать Советско-Афганская археологическая экспедиция. Она просуществовала десять лет. Бессменными её участниками были два сотрудника Института археологии АН СССР – И.Т. Кругликова (руководитель экспедиции) и В.И. Сарияниди (начальник отряда), водитель В.С. Ерофеев. В разное время членами экспедиции с советской стороны были О.К. Бердыев, В.С. Долгоруков, А.Д. Мирбабаев, Г.А. Пугаченкова, З.А. Хакимов и др., включая автора этих строк. С афганской стороны работали инспектора Института археологии Министерства культуры Афганистана Абдулкаюм Гулями, Абдул Хабиб Азами, Мухамедали Тауфик и др.⁶, а также водители Мухаммед Амин и Таваккиль. И, конечно, десятки *мардакёров* (наёмных рабочих) из близлежащих раскопкам деревень, неграмотных, безземельных и малоземельных издольщиков, в большинстве своем туркмен, но также узбеков и пуштунов.

В СААЭ я участвовал в 1970–1971 гг. В то время я работал в Институте археологии и учился на заочном отделении исторического фа-

³ Feroozi 2004.

⁴ См., напр.: Хоссейни 2008. С. 319–324.

⁵ Rothschild 1995. С. 63.

⁶ Кругликова, Сарияниди, 1976. С. 3

культета МГУ. В зарубежную экспедицию попасть было непросто, я попал благодаря «чистой» анкете, увенчанной трехгодичной службой в ВС СССР, репутации опытного рисовальщика археологических материалов и хорошему отношению Виктора Ивановича Сарияниди⁷. Под его началом я работал еще до армии, в 1964 г. в Геоксюрском оазисе⁸, искренне им восхищался и воспринимал как своего будущего научного руководителя, им же воспринимался как будущий аспирант.

СААЭ сосредоточилась на севере Афганистана, в 1970–1971 гг. – на территории двух уездов провинции Джаузджан: с центрами в г. Шибарган (Шиберган, Шибирган,) и г. Акча. В древности пространство, ныне определяемое как Северный Афганистан / Афганский Туркестан, входило в состав Бактрии или Бактрианы – крайней восточной сатрапии Ахеменидской империи. После походов Александра Македонского Бактрия стала частью его империи, затем – империи Селевкидов, Греко-Бактрийского и Кушанского царств. Античные авторы (Страбон, Юстин) называли ее «страной тысячи городов»⁹. С 1922 по 1982 г. (с перерывом на время Второй мировой войны) и снова с 2002 г. в Афганистане работала Французская археологическая миссия¹⁰. Для изучения северной части страны ею было сделано немало; однако найти неоспоримые свидетельства существования здесь культур эпохи бронзы и раннего железа, по уровню развития отвечавших представлению о развитой локальной цивилизации – предшественнице античной Бактрии, удалось не французам, а Сарияниди. Именно он уже в 1970 г. зафиксировал к северу от Акчи т.н. дашлинский оазис – целую россыпь поселений бронзового века. Первое обследованное из них, Дашлы 1, было обнесено, как выяснилось в ходе раскопок, мощными стенами с башнями¹¹. А на поселении, получившем название Дашлы 3, были раскопаны остатки «круг-

⁷ В.И. Сарияниди (1929–2013) – один из крупнейших археологов XX в. Изначально специалист по неолиту и бронзе Центральной Азии, в Афганистане раскопал ещё и великолепные ахеменидские памятники и «золото Бактрии» – богатейшие по инвентарю княжеские или царские погребения кушанского времени. Однако главное его достижение – открытие Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Список его научных трудов на русском, английском, французском, итальянском, греческом, немецком, японском, туркменском языках на 2004 г. насчитывал 252 названия, включая три десятка книг [Библиография..., 2004]. Книги о нем самом пока не написано; но есть более или менее обстоятельные биографические статьи. См., напр.: Литвинский 2004; Vorofko 2014.

⁸ Существовавший в энеолитическое время (IV–III тыс. до н.э.) оазис в восточной части древней дельты р. Теджен, заброшенный после того, как миграция дельтовых протоков лишила его жителей необходимой для земледелия воды. О его девяти поселениях см.: Хлопин 1963.

⁹ Массон, 1966: 4

¹⁰ DAFA 2016

¹¹ О его раскопках см.: Сарияниди 1976. С. 21–43.

лого храма» – громадного культового сооружения и крупного, прямоугольного в плане дворцового комплекса¹².

У ССАЭ было три машины. ГАЗ-69: на нём в основном ездил Виктор Иванович; ГАЗ-51: эта машина использовалась главным образом для того, чтобы привозить-отвозить рабочих, копавших у Сарианиди, водителем ее был афганец Мухаммед Амин; и ГАЗ-66; им целиком распоряжалась И.Т. Кругликова¹³, на водительском сидении восседал Владимир Сергеевич Ерофеев. Хотя в молодости он успел поехать и даже расписался на колонне рейхстага, все называли его просто Володей. Он был первоклассным водителем, хорошим механиком, человеком толстым, добродушным, с хитрецой и очень выразительной жестикულიцей, позволявшей ему объясняться в духанах, не зная дари.

В 1970–1971 гг. СААЭ работала каждый сезон по три месяца – с конца сентября / начала октября до начала / середины декабря. Не менее 2,5 месяца мы проводили «в поле». Для меня это «поле» в каждый из двух моих афганских сезонов выглядело по-разному. В 1970 г. мы с Сарианиди и Мухаммедом Амином расположились лагерем рядом с Дашлы 1, поэтому тогда мои впечатления от жизни в дореволюционном Афганистане сводились в основном к тому, что я мог получить в ходе общения с рабочими. В 1971 г. добавились впечатления от общения с хозяевами домов в селе Дильберджин, арендовавшихся нами под жильё, а также кое-какие наблюдения за дневной жизнью села. Разумеется, и в начале, и в конце каждого полевого сезона мы пересекали пол-Афганистана и что-то памятное видели по пути. И был ещё Кабул. Однако самые яркие и, сравнительно с тем, что можно было воспринять в Кабуле и на дороге, практически уникальные наблюдения давала всё-таки «поле». Поэтому здесь я целиком сосредоточусь на нём.

Необходимо сделать ещё одно важное уточнение. Какая-то часть моих впечатлений отложилась в непосредственное знание: увидел – запомнил – понял. Но также в памяти осело знание, осложнённое чужой интерпретацией – тем, что я услышал от коллег, рабочих и наших хозяев. Уже к середине первого сезона у меня образовался небольшой запас слов и выражений на дари – бытовых и связанных с раскопками. Учителями выступали тот же Виктор Иванович и Мухаммед Амин, владевший английским на уровне средней школы, но смело пускав-

¹² Сарианиди 1976. С. 45–50; Сарианиди 1977. С. 34–50

¹³ Ирина Тимофеевна Кругликова (1917–2008), сотрудник Института археологии РАН с 1945 г., доктор исторических наук, специалист по античной археологии Северного Причерноморья. То, что именно она стала начальником СААЭ, объясняется не только ее собственными научными достижениями, но и тем, весьма важным в СССР, обстоятельством, что она была членом КПСС. Беспартийный Сарианиди, чье личное дело было к тому же обременено двумя разводами, никак не мог претендовать на эту должность.

шийся в самые сложные объяснения. Поскольку окружавшая нас среда была по родному языку туркменской, ещё больше значили пояснения и рассказы нашего ашхабадского коллеги Овлякули Бердыева¹⁴. Благо тот воспринимался местными туркменами не просто как «почти свой», но еще и как человек с высоким статусом – и по происхождению¹⁵, и по учёности. Такому человеку можно было рассказать и показать многое из того, что совсем «чужакам» не скажут и не покажут. Следовательно, то, что я попытаюсь здесь передать, необязательно является сугубо личным впечатлением, может представлять собой знание, комбинированное по своей природе. Фактически это знание – отражение давней реальности, к тому же отчасти искаженное и моей памятью, и чужими впечатлениями и толкованиями того и последующего времени.

Раскоп

Лагерь. В 1970 г. лагерь Сарияниди располагался на такыре и заключался в палатке-десятиместке с двумя кроватями-раскладушками и рабочим столом внутри. Водитель, а по совместительству и повар отряда Мухаммед Амин спал в стоявшей поблизости машине. Граница лагеря была «демаркирована» – на расстоянии 15–20 м от палатки он был со всех сторон обнесён оградой. Ограда эта была чисто символической: протянутая на высоте примерно 20 см от поверхности такыра верёвка, намотанная на вбитые в глину колышки. В ноябре, когда похолодало и начались изматывающие *шамолы*¹⁶ – приносившие массу песка бури, добавилась «баня» – крытая небольшой палаткой землянка; внутри нее в «банный день» ставились две 30-литровые молочные фляги с водой, и одна из них нагревалась паяльной лампой до кипения.

Не далее чем в полукилометре от лагеря проходила частью наезженная, частью натоптанная дорога. Автомашин на ней, кроме наших, мы практически не видели, зато довольно часто по вечерам проходили небольшие караваны. Люди шагали рядом с верблюдами или восседали поверх тюков; колокольчики мерно звякали; на фоне догорающего заката вся картина представлялась мне поначалу ирреальной, какой-то постановочной, будто иллюстрацией к школьным учебникам истории,

¹⁴ Овлякули (Овлякули) Бердыев (1935–1973) – туркменский археолог, в 1970–1972 гг., будучи заведующим сектором первобытной археологии в Институте истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, работал в составе ССАЭ. Погиб в автокатастрофе, незадолго до гибели подготовил к публикации книгу «Дружественный Афганистан», написанную им на туркменском языке (Некролог... 1975). К сожалению, мне не удалось найти выходные данные этой книги; не могу даже сказать, вышла ли она.

¹⁵ Как утверждал хорошо его знавший Сарияниди, Овлякули принадлежал к одному из туркменских *овлядов* – традиционно привилегированных социально-религиозных групп. Об овлядах см.: Демидов 1976.

¹⁶ Шамол (тадж., дари) – ветер.

к расхожим представлениям о неподвижном Востоке. Спустя месяц, прожитый в окоме горизонта, далеко-далеко замыкавшегося размытыми очертаниями голых гор, наоборот, и этот унылый простор, и шестые по нему караванов стали казаться единственной реальностью...

За все время существования лагеря никто из проходивших караванщиков ни на шаг к нему не приблизился. Вот на раскопе они бывали и однажды расколотили все сосуды из наполовину расчищенного погребения. Сколько же «теплых слов» сказал в их адрес Виктор Иванович, и сколько мы с ним провозились, склеивая по вечерам разбитую керамику! Но лагерь так и оставался табу – словно окружавшая его простая веревка наделила его неприкосновенностью частного владения, представление о которой в сознании жителей Афганистана казалось тогда незбылемым. Мы быстро почувствовали себя в полной безопасности – до такой степени, что однажды на выходные я вообще остался в лагере один, и хотя под раскладушкой у меня лежало оставленное Сарияниди ружье, я даже не удосужился его зарядить. Когда же в посольстве с наших слов узнали о том, что два советских гражданина больше двух месяцев прожили на такыре, то пришли в ужас. Нам сообщили, что в стране – неурожай, местами – голод, что появились вооруженные шайки грабителей и вообще ситуация в стране напряженная¹⁷, поэтому впредь не должно быть проживания за пределами населенных пунктов.

Веревочная граница не только защищала обжитое нами пространство от вторжения «чужих», но и ограничивала доступ «своим», конкретно – нашим рабочим. Расчет с ними производился еженедельно, и по раз и навсегда заведенному Сарияниди порядку они должны были стоять в очереди за пределами огороженной площадки. При первой выплате веревки еще не было, и охваченные радостным предвкушением полочки рабочие, вообще-то на свой лад очень воспитанные и сдержанные, толпой стеснились у входа в палатку, а напиравшие сзади просто втолкнули в нее передних. После чего и была обозначена граница, её же не перейдеша. Выдерживалась она строго: я выносил на такыр раскладной стол, раскладывал на нем ведомости и штемпельную подушку; Виктор Иванович выдавал деньги, а я прижимал указательный палец получателя сначала к подушке, затем – к ведомости напротив его имени. Грамотных не было ни одного. Потом эти диковинные ведомости сдавались в бухгалтерию Института археологии...

Рабочие. САЭ платила нанимаемым рабочим по расценкам, по которым правительство Афганистана оплачивало землекопов, занятых на

¹⁷ Кризис, приведший, в конечном счете, к падению королевской власти, набрал силу чуть позже, после засухи 1971/72 сельскохозяйственного года. Но уже в апреле 1970 г. в ряде городов прошли выступления духовенства, на которых прозвучал лозунг: «Иностранцы-кафиры, убирайтесь домой!» (Коргун 2008. С. 211).

организуемых государством дорожных работах. Расценки эти были низкими даже с точки зрения наших афганских водителей. Однако для жителей далекого сельского захолустья и в особенности для безземельных сельхозрабочих, занятых всего несколько месяцев в году, возможность заработать в межсезонье несколько тысяч афгани была поистине даром небес. Неудивительно, что уже через два-три дня после того, как мы разбили свой лагерь, число желающих наняться на раскопки хорошо перевалило за сотню. Они стягивались из окрестных деревень с семи утра, и надо было из этой толпы отобрать максимум половину. Некоторые из отобранных потом заменялись другими, но довольно скоро состав работающих стабилизировался. В подавляющем большинстве то были туркмены, которых Овлякули несколько пренебрежительно определял так: «керкинские»¹⁸ и «обузбеченные». Но были также пуштуны из располагавшейся примерно в 10 км от нашего лагеря деревни Мурдиана – потомки колонистов-дурани, специально выведенных эмиром Абдурахманом из-под Кандагара на левобережье Аму-Дарьи для лучшего контроля над завоеванными им землями за Гиндукушем, получившими со временем название Афганского Туркестана¹⁹.

Рабочих мы отбирали отнюдь не только молодых и крепких на вид. Я поначалу удивлялся, скольких стариков принял на работу Сариниди, но в первые же дни понял, насколько мудрым был его выбор. Самые старые, всю жизнь проработавшие на земле, в один день научились находить «глину в глине» – древние сырцовые стены в сырцовом же межстенном заполнении. А некоторые, убедившись в том, что в раскапывавшихся нами погребениях покойники лежат не в сторону *кыблы*, т.е. были презренными язычниками, быстро обрели такую сноровку в расчистке костяков, что могли потягаться с профессиональными физическими антропологами. К тому же почти все старики оказались очень выносливыми. Пусть сквозь дыру в их *туркментиле*²⁰, и без того захватывавшем земли вдвое меньше, чем отечественная совковая лопата, немало высыпалось еще до замаха – трудились они в ровном неизменном темпе весь день с одним перерывом «на ланч». А ведь то был скудный перекус, почти у всех заключающийся в сером *чореке* с зеленым чаем; лишь немногие позволяли себе еще и сушеную дыню. Тем не менее, старики выдерживали рабочий день по видимости не хуже молодых; казалось, что им мешают двигаться как заведенные только запоры, обусловленные этим самым рационом, да цыпки на руках, довольно

¹⁸ Т.е. выходцы из Керкинского района тогдашней Туркменской ССР.

¹⁹ О завоеваниях и переселенческой политике Абдурахмана см.: Массон, Ромодин 1965. С. 279–280.

²⁰ Кованый заточенный заступ миндалевидной формы с круглым отверстием посередине.

быстро появившиеся у многих под воздействием сухости, земли и холодных ветров, периодически обрушивавшихся на такыр.

Далее привожу из своей записной книжки отрывок от 3 октября 1970 г.:

«... Каждый день на раскоп приезжает толпа мардакёров. Это, конечно, для любителей “местного колорита” – просто мечта. Пуштунов всего человек пять-шесть, зато среди них один исключительно красивый разбойник с маленькой серьгой в ухе. Зовут его Агамамад Атал. Что за парень! Голос хриплый, волосы густые, черные, слегка волнистые, стрижены под горшок. Лицо смуглое, с маленьким прямым носом, вообще с исключительно соразмерными чертами. Выпустить такого на улицу Горького как есть – в белой чалме, белой рубашке с кожаной расшитой безрукавкой поперек и в белых же шароварах – все бабы умрут от восторга!

Но это, пожалуй, один у нас такой удалец. Ну, еще его младший брат Башар, лет 13–14, живой такой мальчишка, и хорошо работает. Я ему презентовал открытку с Клавой²¹ – он ее схватил, чтоб никто не увидел, и убежал с раскопа разглядывать кяфырскую красотку. Остальные – в основном хуленькие как дети старички с редкими бородками, молодые тоже не здоровяки, и все – в драных халатах. На некоторых даже не халаты, а их жалкие остатки – одно рядом.

Есть очень приличные иллюстрации к соловьевскому “Ходже Насреддину”²² – так они прямо сошли с этих иллюстраций! Худые, широкоскулые, часто кривоногие, босые, в белых штанах, не доходящих до ступни, все обязательно в чалмах, *тольпека*²³ вообще ни разу не видел. Они производят незабываемое впечатление, и всех их жалко. Ибо нищета и забитость не то чтобы на лицах – на фигурах тощих отпечатались намертво. А между тем, если их одним махом полностью освободить и удовлетворять, почти все сразу проделают быструю эволюцию из грязи да в князи. Это известно по многим примерам; но все равно жалко этих людей, особенно стариков!».

Драка. По отношению к нам рабочие держались с большим почтением: никакой видимой фамильярности себе не позволяли и, когда им надо было показать, что обнаружили стенку или погребение, то, подзывая кого-то из нас движением кисти вниз, по направлению к себе, одновременно и убеленного сединами Виктора Ивановича, и меня, молодого, величали *сахибом*. Что они на самом деле о нас думали, как обсуждали между собой, когда нас не было поблизости, что рассказывали дома, мы, разумеется, не знали, но я уверен, что к Сарияниди они относились с уважением. В то же время я сразу почувствовал, буквально кожей, принципиальную разницу в отношении туркмен и пуштунов. Для первых я был не только сахибом и чужаком-*шурави*²⁴, но все-таки

²¹ Итальянская актриса Клаудия Кардинале.

²² Имеется в виду издание: Соловьёв 1958.

²³ Тюльпек, телпек – туркменский мужской головной убор, «высокая барашковая шапка с длинными мягкими завитками» (Народы России 1994. С. 345].

²⁴ Т.е. «советским» (от перс. *шур* – совет).

еще и включенным в их микромир человеком – пусть даже включенным временно, лишь в силу моей принадлежности к классу дающих блага и, соответственно, локализуемым их восприятием на самой периферии этого мира. Для вторых я был чужим **в пределе**, от их мира я был отчуждаем абсолютно, и потому был абсолютно же не защищен моим положением в иерархии, установившейся на раскопе. Именно поэтому я спокойно мог посмотреть в глаза любому туркмену, но не всякому пушту (только Башару и старикам); а уж взгляда Агамада вообще избегал. Ибо с первого же дня знакомства с ним у меня возникла уверенность: почувствуй этот человек себя задетым, он с легкостью применит силу; и к концу первого полевого сезона это подтвердилось.

На ноябрь 1970 г. пришёлся месяц мусульманского поста. Все рабочие его строго соблюдали, так что к его окончанию заметно ослабли и стали раздражительными, и на раскопе начал разгораться конфликт между туркменами и пуштунами из-за воды, и сахибы его прозевали.

На раскопе были два *чилека*²⁵ с питьевой водой. До рамазана вопроса о том, чтобы закрепить каждый из них за определенной группой рабочих, не возникало, после него пуштуны потребовали, чтобы одним чилеком пользовались только они. Трудно было это требование считать справедливым: пуштунов пять-семь человек, туркмен – в три-четыре раза больше. На раскопе, боясь лишиться работы, первые сдерживали свое возмущение, равно как вторые – негодование **главных** в стране на поведение тех, кого их предки некогда покорили. Но атмосфера накалилась так, что взрыв должен был произойти, – и произошел.

По окончании рабочего дня рабочие плотно набивались в ГАЗ-51, и Мухаммед Амин развозил их по домам: сначала туркмен до их более близкой деревни, затем пуштунов до Мурдианы. В один из ближайших дней после рамазана, он, вернувшись, сразу бросился мыть кузов, залитый кровью, и мы это увидели. Из его рассказа на смеси дари и английского обрисовалась такая картина: когда машина сделала первую остановку, в кузове вспыхнула драка; численное преимущество было, конечно, на стороне туркмен, но Агамад, не задумываясь, обрушил на них удары своего туркменпила, и враг бежал.

На следующий день Сарияниди объявил, что при повторении чего-либо подобного все будут уволены. Худой мир был установлен, но пуштуны стали ходить на раскоп и с раскопа пешком – двадцатикилометровая прогулка в добавление к восьми часам тяжелой физической работы. Вдобавок они, прознав, по словам Мухаммеда Амина, о том, что туркмены дали взятку уездному судье в Акче и тот пообещал закрыть глаза на возможный несчастный случай на этом маршруте, стали

²⁵ Бочонок, сплюснутый с двух сторон и потому имеющий в плане форму вытянутого овала, вместимостью 40–60 литров.

носить с собой оружие – длинные ружья с сошками, на мой взгляд, настоящие мушкеты времен даже не второй, а первой англо-афганской войны; весили они наверняка немало, что еще больше должно было утомлять их владельцев. В конечном счете, примерно через неделю после побоища пуштуны вообще перестали появляться на раскопе.

Секс. До конфликта на раскопе довольно часто звучал смех: рабочие подшучивали друг над другом по поводу того или иного случая из их деревенской жизни. Среди туркмен чаще других объектом шуток становился Курбан Клыч. Невысокий, но широкоплечий, в выцветшей коричневой рубахе и штанах, этот ломовой сорокалетний мужик единственный орудовал взятой у нас широченной совковой лопатой – не лопатой, а прямо-таки бульдозерным ковшом – и был незаменим, когда надо было перекидкой отодвинуть накопившиеся отвалы. Производил он впечатление человека добродушного – возможно этим отчасти объяснялось, что односельчане безбоязненно прохаживались на его счет.

Предмет их шуток был один – имел ли Курбан накануне своего ишака, или нет, и если да, как прошло общение. Курбан слегка вспыхивал, опускал глаза, коротко буркал в ответ нечто, что дополнительно веселило шутников, и еще сильнее начинал махать своим бульдозером, как бы закрывая тем самым тему. Тема действительно закрывалась, но вновь всплывала через день-два. Мы заинтересовались, почему шутники пристают именно к Курбану. Оказалось, что он до сих пор не женат. То есть невеста у него есть, но он уже лет 15 выплачивает по частям калым за неё, пока все не выплатит, его стареющая девушка так и останется для него недоступной и свою неутоленную мужскую силу ему придется усмирять посредством либо мастурбаций, либо скотоложества. А калым так велик потому, что невеста – туркменка, значит, обладает, если можно так выразиться, капитализированной стоимостью: ткёт ковры, продажа которых приносит солидный доход. Неслучайно же у богатых людей в Кабуле одна из жён – обязательно туркменка, хотя стоит она на порядок дороже, чем пуштунка или таджичка.

Бедняк Курбан обходился собственной рукой либо ишаком – наш Мухаммед Амин, как-никак городской парень со знанием английского языка и приличным жалованьем от САЭ, свою жажду секса утолил более изысканным образом. Среди рабочих-пуштунов был, помимо Башара, еще один молодой парень, лет, наверное, восемнадцати. Это было существо на удивление вялое, можно сказать, апатичное, даже болезненное с виду. Он приезжал с закутанным пестрым платком горлом, с ним и работал и вечно сморкался двумя пальцами. В общем, в его облике не было ничего от красавчика *бачи*²⁶, запечатлённого Васи-

²⁶ Бача (перс.) в широком смысле – ребёнок, юноша, парень, в более узком – мальчик, играющий роль гетеры, объект сексуального рабства и насилия. Институт

лием Верещагиным²⁷, и вряд ли он владел искусством пения и танца, как классические бачи, или, подобно им, рядился в женские одежды. Он был простым деревенским парнем, на мой взгляд, напрочь лишённым какого-либо обаяния. Мухаммед Амин, со своей стороны, не раз мечтательно вздыхал о городских *мини-джубс*²⁸, т.е. не был специальным поклонником бачей и в ситуации выбора предпочел бы женщину, но о ней за пределами пораженной язвой вестернизации столицы оставалось только мечтать. Нашего рабочего он выбрал в качестве сексуального партнёра просто потому, что заранее выяснил; тот согласится стать таким партнёром, если ему заплатят. *Ouvertues* нашего водителя остались для нас незаметными, благо он их и не афишировал. Но когда мы с Сарияниди уехали на 7 ноября в Шибарган, оставив Мухаммеда Амина одного в лагере, тот тоже устроил себе праздник: приготовил плов *кабули*²⁹ (что, вообще говоря, делал мастерски) и радушно принял вечно сопливого дорогого гостя, оставшегося у него на ночь. Когда же мы вернулись, он, довольный ночью, проведённой с квази-*дохтари*³⁰, поделился с нами своей радостью, совершенно не стесняясь.

Деревня

В 1971 г. вся экспедиция поселилась в довольно крупном селе Дильбер-джин, вблизи одноименного кушанского городища, в доме, принадлежавшем крупному местному землевладельцу баю Ахмеду. Но довольно скоро мы перебрались к другому хозяина – к Хаджи-бабе, тётке знаменитого литературного героя³¹. Он заманил Кругликову несколько меньшей, чем у Ахмеда, арендной платой, большим размером «апартаментов» и наличием в отведенной нам усадьбе собственного *хауза*. И без преувеличения можно сказать: при почти стопроцентном сходстве обстановки – те же пахсовые строения что у Ахмеда, что у Хаджи-Бабы, то же отсутствие какой-либо мебели, те же нишки по

детской мужской проституции *бача-бази* (букв. игра детей) был широко распространен в доколониальной Средней Азии (Лыкошин 2005. С. 40–44) и в соседнем Афганистане, где он никогда, даже при резко отрицательно относившихся к нему талибах, не отмирал полностью, о чем свидетельствует поговорка «Женщины – для детей, мальчики – для наслаждения», и где после разгрома Талибана начался его настоящий ренессанс. См. в этой связи краткое изложение результатов полевого исследования, проведенного в 2010 г. Анной-Марией Кардиналле (Brinkely 2010).

²⁷ Имеется в виду картина В.В. Верещагина «Портрет бачи», написанная им в 1867 или 1868 г. и хранящаяся в Третьяковской галерее.

²⁸ Искаж. русск. мини-юбка. Так он называл кабульских девушек, ходивших с открытым лицом, в европейской одежде и, по его уверениям, практиковавших секс до замужества.

²⁹ Плов с добавлением картофеля.

³⁰ Дохтари (дари, тадж.) – девушка.

³¹ Речь идет о главном герое книги Джеймса Мориера, в свое время популярной не только в Англии, но и в России. См.: Мориер 1993.

стенам, ковры и подушки на полах, – переместившись от одного хозяина к другому, мы, образно говоря, перенеслись из эпохи позднего феодализма в эпоху первоначального накопления капитала.

Ахмед. Первый хозяин был чуть выше среднего роста, лет 45-ти, кривой, с чалмой на голове и в *чапане*, от халатов наших рабочих отличавшемся только тем, что у него он был целым. Туркмен (племенную принадлежность не знаю), Ахмед родился здесь же, в Дильбдержине, где его отец, также местный, был одним из крупнейших землевладельцев. По сведениям Овлякули, когда в начале 1930-х, после разгрома отрядов Джунаида-хана³², через советскую границу в Афганистан бежало немалое число его сподвижников, а ещё больше – их мирных родственников и свойственников, опасавшихся репрессий, отец Ахмеда раздал часть своих земель беженцам. Отдал ли он их в собственность, в безвозмездное пользование или в аренду на льготных условиях, история умалчивает; но даже последний вариант, был, несомненно, спасительным для беглецов, обездоленных самим фактом бегства. Этим актом отца Ахмеда была создана замыкавшаяся на него и типичная для традиционных обществ сеть связей и отношений по типу «патрон – клиент»³³. Она была унаследована Ахмедом, но тому, похоже, не очень-то удавалось соответствовать идеальному образу настоящего бая. Виной тому были «новые времена» – времена инфляции престижного потребления, постепенной смены его номенклатуры, большей подвижности сельского населения и знакомства крестьян с городом и даже с иностранцами в лице советских и иных приехавших из-за рубежа специалистов.

Пытаясь соответствовать меняющимся обстоятельствам, Ахмед пустился в различные коммерческие предприятия, но те оборачивались скорее убытками, чем прибытком. Так, он попытался лично, минуя посредников, продать в Кабуле купленные им на севере 40 кг *терьяка*³⁴.

³² Джунаид (Джунейд)-хан (1857–1938), один из самых известных руководителей басмачества, действовавший в основном в Хивинском ханстве, затем Хорезмской народной советской республике и на территориях, ныне входящих в Дашогузский велаят Туркменистана. В 1931 г. бежал в Афганистан, где и умер. О нем см.: Кадыров 2001. С. 155–156; Поляков, Чугунов 1976. С. 25–31, 53–59.

³³ В отличие от скрепляемых принципом «подарок – отдарок» горизонтальных связей в отношениях между примерно равными по социальному статусу семьями (системы *мезия* в Тунисе (Kassab 1979), *вартан бханджа* в Пакистане (Jongmans 1973), *хийя* на Филиппинах (Quisumbing 1975), их аналог в Средней Азии (Абашин 1999) и т.п.), связи «патрон – клиент» были вертикально ориентированными, ассиметричными и в идеале предполагали обязательную страхующую поддержку патроном клиентов в кризисных для тех ситуациях и обязательную лояльность клиентов по отношению к патрону, выражавшуюся в его политической поддержке и в выполнении его пожеланий, в т.ч. некоторых неоплачиваемых работ. См.: напр.: Кудрявцев 1971; Смирнская 1979; Vreman 1975.

³⁴ Терьяк (туркмен.) – опиум-сырец.

Однако, пока он, перефразируя Сашу Чёрного, «в наплыве впечатлений полуоткрывши рот», глазел на базаре по сторонам, терьяк у него украли. Поэтому внезапное появление шурави, нуждавшихся в приличном по деревенским меркам жилью, оказалось для него, пожалуй, такой же манной небесной, как и для безземельных издольщиков. Вот только распорядился он этой манной не лучшим образом. Хотя... это как посмотреть. Дело в том, что он купил себе молодую жену – не то третью, не то четвертую. Напомню: калым за жену-туркменку в дореволюционном Афганистане был многократно больше, чем за пуштунку, узбечку или таджичку. В случае же с новой женой Ахмеда величина калыма дополнительно возросла, потому что брал он необыкновенную красавицу. Так, по крайней мере, утверждал Овялекули, которому Ахмед в знак особого уважения, а отчасти, наверное, и из мужского тщеславия, показал-таки личико своей «Гюльчатой». Чтобы заплатить калым, Ахмед влез в долги, на их покрытие и шла наша арендная плата.

Можно предположить, что обладание молодой женой-красавицей должно было подкрепить наследственно высокий статус мужа и это стало одним из важных стимулов женитьбы Ахмеда. Но равным образом возможно и другое предположение: Ахмеду просто надоели, говоря словами грубо откровенного платоновского героя-туркмена, «старые дырки»³⁵: он возжаждал новых наслаждений, причем не только чувственных, но и эстетических, или даже, ухитрившись каким-то образом увидеть красавицу, влюбился в неё. Когда я вспоминаю его несколько чудаковатый облик, мне начинает казаться, что самое верное предположение – последнее... Впрочем, какой бы разновидностью гедонизма ни объяснялся поступок Ахмеда, в меняющихся условиях он казался скорее прихотью, чем подтверждением высокого статуса.

В усадьбе Ахмеда мелькали несколько слуг, общался он с ними без какого-либо подчеркивания своего господского положения. Сложилось даже впечатление, особенно подогретое его затрапезным халатом, что он вообще равнодушен к своему статусу или смирился с его фактической утратой, потому и ведёт себя как рядовой дехканин. Вскоре, однако, представился случай убедиться, что эта простота, даже демократичность отношений в ситуациях, не выходящих за рамки повседневного **сущего**, мигом исчезает при отклонении от того, что для Ахмеда было частью мироустрояющего **должного**.

Однажды вечером мы все сидели на заднем дворе усадьбы. Там было прохладнее, чем в доме, по периметру двора росли кусты, над головами сияли звёзды; мы пребывали в благодном настроении и лениво беседовали. Вскоре к нам присоединился Ахмед с одним из слуг, и между ним и Овялекули завязалась не слишком оживленная беседа.

³⁵ Платонов 1974. С. 454.

Вдруг в дворик вошел один из наших рабочих, хорошо всем запомнившийся: у него была такая сильная трахома, что смотреть на него без жалости было невозможно. Он что-то стал просить, именно просить, это было ясно по его тону, а вот к кому он адресовался – к нам или Ахмеду – я не понял. Ответил Ахмед – кратко и резко, но рабочий не ушел и даже протянул руку, теперь уже явно в нашу сторону. Тогда Ахмед что-то буркнул слуге, тот моментально вскочил и невесть откуда взявшейся палкой из акации со всей силы ударил просителя, и если бы тот не успел закрыться рукой, удар пришелся бы по лицу. Удар все равно был болезненным, раздались буквально стенания, с ними рабочий и убежал. Мы несколько секунд сидели ошеломленные, затем Ирина Тимофеевна попросила Овлякули сказать Ахмеду, чтобы впредь в нашем присутствии ничего подобного не делалось... Не исключено, что это эпизод сыграл свою роль при принятии его решения о переезде.

Хаджи-баба. Этот старик, одетый скромно, но всегда чисто, слегка согбенный, седобородый, в очках и с постоянной полуулыбкой на устах, полностью соответствовал своему имени, которое можно перевести как дед /отец /уважаемый человек, совершивший хадж. Хадж он действительно совершил, чего не могло себе позволить подавляющее большинство сельских жителей Афганистана; и он на самом деле выглядел добрым дедушкой, источающим на окружающих духовную благодать. Но под этим обликом скрывался очень расчетливый, предельно прагматичный человек трудной судьбы, в полном смысле слова сделавший себя сам. «Хаджи-баба» – прозвище или т.н. уличное имя, обретенное – и то, видимо, не сразу – в Афганистане, куда его носитель прибыл в начале 1930-х гг. До того он успел побывать председателем первого колхоза в Керкинском районе Туркменской ССР, а по уверениям Овлякули, передавшего нам основные эпизоды биографии нашего нового домовладельца, – вообще первого колхоза в республике. В то время он более или менее мог объясняться на русском языке. В 1933 г. кто-то предупредил председателя о скором аресте – и тот немедленно бежал, бросив семью и всё имущество, прихватив, однако, швейную машинку «Зингер». Тогда во всем Афганском Туркестане машинки эти исчислялись единицами, так что бывший советский *раис*, начав шить халаты, так преуспел, что постепенно скопил денег на покупку земли. Он вновь женился, у него родилось два сына, в 1971 году – женатые и со своими детьми, но жившие в усадьбе отца и внешне во всем ему послушные. Благополучие Хаджи-бабы все прирастало и прирастало, а с ним и его влияние. Незадолго до нашего вселения он баллотировался в сенат Афганистана – *маджлес-е айян* (совет старейшин). По конституции 1931 г. этот орган состоял всего из 27 членов³⁶, Хаджи-бабе при-

³⁶ Коргун 2004. С. 224.

шлось выдержать сильнейшую конкуренцию со стороны других претендентов, и сделал он это довольно успешно, проиграв ближайшему сопернику буквально несколько десятков голосов.

В отличие от Ахмеда, которого мы видели не каждый день, да и то преимущественно по вечерам, новый хозяин не обделял нас своим присутствием. Правда, визиты его были хотя и ежедневными, но краткими. Зайдёт, например, утром, когда мы завтракаем, поздоровается, сядет на предложенный раскладной стульчик, посмотрит лучистыми глазками в сети симпатичных морщинок, скажет что-нибудь нейтральное и вскоре удалится. Только однажды он оконфузился (или специально так поступил): когда Ирина Тимофеевна, на ходу допивая кофе, уже устремлялась к выходу, он огорошил её фразой на русском: «Мама, денег давай!». Тут надо признаться, что за глаза все мы нередко так именовали нашу единственную женщину – и из уважения к её возрасту, и из-за начальственного статуса. Всё видевший, всё слышавший, всё замечавший кандидат в сенаторы уловил это словцо – и воспользовался им. То ли он всерьёз полагал, что это почетное обращение, то ли, скорее, сделал так для лёгкой издёвки. Ибо, при всём его прагматизме, вряд ли ему нравилась – не как личность, а как символ, как социальная нелепость по местным меркам, – дама в брюках, командующая пятью мужчинами.

Сыновья Хаджи-бабы. Старшего, в возрасте около 30-ти, высокого, худого, внешне напоминавшего классического «шоферюгу», звали Худояром. Младшего сына, лет 25-ти, ростом поменьше, немного женственного и очень чистого, единственного человека в селе, поверх традиционной одежды носившего нетрадиционное одеяние – китель а la Неру, мы называли Эмином, хотя был он Имином или Амином. Дети одного из богатейших людей Дильберджина отнюдь не бездельничали. Младший окончил курсы фельдшеров и периодически выступал в деревне в роли дипломированного знатока аллопатии. Худояр получил права, купил, надо полагать, не без помощи отца, подержанный УАЗик-«буханку» и шоферил на нём с раннего утра до позднего вечера, игнорируя не только *джуму*, но и любые мусульманские праздники. В основном он ездил в Ничку (в 10 км от Дильберджина) и обратно. Ничка была довольно большим селом; там имелись духаны, где крестьяне могли купить необходимые в хозяйстве инструменты, а также соль, керосин, крупы и т.п. Естественно, каждая поездка ими оплачивалась. И поскольку Худояр был извозчиком-монополистом, мелкие, но верные суммы непрерывно текли в общий карман оборотистого семейства Хаджи-бабы. Очень скоро это семейство стало стричь купоны и с самого факта нашего присутствия. (Собственно, для того Хаджи-баба и постарался нас заполнить.) Вот несколько наиболее ярких примеров.

Техническим обслуживанием и ремонтом всего нашего автопарка занимался Володя Ерофеев, в его ведении находились различные зап-

части и неплохой запас ГСМ. Худояр широко и совершенно бесплатно пользовался тем и другим, не говоря уже о советах и прямой помощи Володи. Особенно часто он просил солидола. Не остался в стороне и Эмин. В 1970 г., в Москве, Кругликова поручила мне купить целый набор лекарств: антибиотики, анальгетики, жаропонижающие, средства для лечения простудных и желудочно-кишечных заболеваний. Покупали с размахом – набралось более половины вьючного ящика. В 1971 г. заведовал этим хозяйством я. И вот чуть ли не через день ко мне стал заглядывать Эмин и просить лекарств то для детей, то для жены, а иногда и для себя – мол, голова болит. И я давал упаковками...

Только ближе к концу сезона мы узнали, что большинство лекарств Эмин продавал нашим рабочим по таблетке, а солидол раскладывал по спичечным коробкам и тоже продавал: рабочие смазывали им руки, которые от земли, сухости, холодного ветра покрывались кровотоющими цыпками. Покупали рабочие в кредит, расплачивались в день получки. Поначалу Эмин собирал дань незаметно, но однажды Виктор Иванович увидел, как рабочие отдают ему деньги, и выяснил, за что. Естественно, нам это не понравилось. Пусть по виду, принадлежавшему экспедиции снаряжению, нашему положению работодателей мы для местных жителей представляли, несомненно, сахибами, сами-то мы оставались людьми советскими, т.е. по определению симпатизировали «беднякам»-рабочим, а не «богачам»-арендодателям. Этот произвольный выбор был свойственен даже тем из нас, кто социализировался в среднеазиатском обществе, гораздо более стратифицированном и традиционалистском, чем городское русское общество к западу от Урала: Сарияниди, Овлякули, Зафару Хакимову. Другое дело, что, поселившись у «богача», мы утешались тем, что только так мы и могли разместиться со всеми нашим имуществом, не признаваясь себе в том, что в усадьбе «богача» нам комфортно не только работать, но и жить...

Наибольшее возмущение вызвала у нас история с поездкой на празднование курбан-байрама. То ли рабочие, жившие в Дильберджине, попросили Кругликову через Овлякули отвезти их в Мурдиану, где на всю округу устраивался праздник, то ли ей самой захотелось посмотреть, как его отмечают в Афганистане – как бы то ни было, кузова обеих наших грузовых машин заполнились радостными рабочими, сахибы разместились в кабинах и в ГАЗ-69 – поехали!

Место для праздника было обустроено не в самом селе, а неподалеку, на обширном такыре, кое-где размеченном небольшими барханами. Эти мини-холмики песка служили подпоркой для охватывавших их с трех сторон плетней из лозняка. Внутри каждого огороженного таким образом пространства помещались, так сказать, деревенские уличные кафе – попросту говоря, предприимчивые люди, прибывшие сюда, видимо, из Мурдианы с казанами заранее приготовленного пло-

ва и шурпы, лепешками и сладостями. Продавалось все это по более высокой цене, чем пришлось бы заплатить за то же самое в обычные дни где-нибудь в Акче или Шибаргане, качество же плова, который мы попробовали, оставляло желать лучшего. Но рабочих меню и цены не смущали. Ведь многие из них не могли себе позволить купить, пусть даже на паях с родственниками и соседями, барана и заколоть его для настоящего домашнего пиршества. Однако равным образом никто из них не мог уронить лицо: публичное потребление еды, пусть даже дорогой и невкусной, носило символический характер и в обязательном порядке предшествовало главному событию праздника – *бузкаши*³⁷.

Я не буду здесь описывать эту жестокую забаву, отношу не показавшуюся мне праздником молодечества. К тому же участвовавшие в ней конники, нещадно лупившие друг друга и лошадей соперника ногойками, подняли такую пыль, что разглядеть происходящее можно было с большим трудом. Однако рабочие наши были в восторге. Вообще, только приехав на пиршественное поле, они вели себя как дети, вырвавшиеся на свободу из душного класса; причём это был сугубо мужской релакс, к тому же в основном для взрослых, хотя часть отцов взяли с собой сыновей, даже маленьких. Но перед началом своего расслабления и, одновременно, самоутверждения, только выпрыгнув из машин на землю, все они потянулись к знакомой фигуре в кителе. Оказалось, что Эмин вознамерился собрать с них по пять афгани за провоз на нашем автотранспорте. Тут уже Ирина Константиновна вмешалась и поборы пресекла. Впрочем, мы так и не узнали, не содрал ли Эмин свою мзду потом, когда никто из нас не застил его предпринимательского горизонта. Ведь рабочие ни разу нам не жаловались на сыновей Хаджи-бабы: они прекрасно понимали, что мы уедем, а «дедушка» останется. Да и мы, узнав о торговле, не обрезали полностью наши бесплатные выдачи, потому что они приносили пользу конечным получателям. И какие могли быть иные варианты? Ничего не давать хозяйским сыновьям? Или раздавать рабочим солидол и лекарства бесплатно? Но первое решение означало, что мы точно ничем не поможем рабочим, второе было чревато лавинообразным нарастанием просьб и просителей с окрестных деревень. По собственному опыту и по опыту других советских зарубежных экспедиций, работавших на Востоке, мы знали: как бы это ни противоречило советским эгалитаристским установкам, если мы хотим, чтобы работа делалась качественно, мы, сахибы, должны оставаться сахибами. В этом, как мне представляется, принципиальное отличие полевой работы, направленной

³⁷ Бузкаши (перс., тадж., дари) своеобразное конное поло, участники которого борются за тушу козла, иногда (как было в нашем случае) – теленка. Победителем считается первый, доскакавший с нею до финишной черты.

ной на природные и неприродные неодушевлённые объекты, от такого «поля», целью которого является изучение той или иной социальной группы. Во втором случае, если хочешь узнать больше и глубже, социально-культурная дистанция должна по возможности минимизироваться. В первом случае сокращать её не позволяет необходимость жёстко поддерживать статусную иерархию. Ибо, для того, чтобы эта иерархия способствовала реализации принципа «мы приказываем – вы выполняете», она должна пронизывать **все** аспекты отношений.

Вот пример того, как по-советски редуцированные представления о социальных отношениях подводили в Афганистане в непроизводительных ситуациях. Как-то жившие в Шибаргане жёны советских газчиков, сжалившись над уж больно убогим по виду уборщиком, представленным афганской стороной для чистки дворов около коттеджей специалистов, собрали ему энную сумму. Они рассчитывали, что тот поест вволю, купит подарки детям или новые штаны себе взамен настолько драных, что в них он смущал женскую нравственность. Однако на полученные деньги уборщик нанял другого бедняка и несколько дней наслаждался тем, что мог ничего не делать, только командовать своим наемником. Этот эпизод сильно повлиял на восприятие советскими афганскими «бедняков»: вся эта публика в их глазах предстала закоренелыми бездельниками, заслуживающими своей участи. О социально-престижной мотивации поведения уборщика они и не думали.

Вид и жизнь деревни. Дильберджин представлялся мне современной копией Дашлы 1: в плане это был тот же лабиринт узких, кривых и пыльных улочек, образуемых двухметровыми пахсовыми заборами-*дувалами*, полностью скрывавшими дома, внутренние дворы и растения в них. Люди на улицах появлялись нечасто; даже играющих детей я не видел. Дильберджин словно стремился честно дать понять, как живут люди, его населяющие. А жили они, во-первых, изолированными дворами, во-вторых, очень небогато в массе своей, в-третьих, строго соблюдали нормы поведения, возводимые к шариагу. Что при взгляде со стороны *кяфыра* выражалось в первую очередь в строгой сегрегации полов и довольно специфическом поведении детей.

Конечно, утверждать, что большинство жителей Дильберджина по уровню доходов и потребления находились у черты бедности, исходя исключительно из внешнего вида их самих и их жилищ, было бы неверно. Но, помимо того, что они сами рассказывали о своем имущественном положении, помимо скудости их «ланчей» на раскопках, наличия сорокалетних холостяков и т.д., имелись и другие признаки, говорившие о справедливости такого утверждения. Так, когда мы проезжали мимо полей, принадлежавших жителям Дильберджина, то видели, что лишь немногие из них зеленели посевами озимых: лишь немногие хозяева могли – и решились – заплатить за полив.

Другой штрих. С самого начала сезона 1971 г. я был брошен Кругликовой на копирование фресок, открытых на её раскопках кушанского городища³⁸ Фрески я воспроизводил в натуральную величину акварельными красками на больших листах ватмана. На раскопе я, насколько мог точно, копировал контуры фигур и предметов на фресках (благо изображения зданий, растений, пейзажей отсутствовали), затем делал этюд с натуры в цвете, стараясь максимально приблизиться к звучанию чистых минеральных красок, использовавшихся древними живописцами. Затем я возвращался в Дильберджин, в наши комнаты и там, перенеся сначала с помощью кальки контуры на «чистовик», завершал работу красками. Разумеется, не всё шло так гладко, как здесь описывается. В особенности пришлось повозиться с фреской с изображением Шивы и Парвати, едущих на быке: прежде чем результат меня удовлетворил, я испортил несколько листов ватмана. После чего спросил Овлякули, есть ли в селе место, аналогичное городской помойке, куда их можно было бы выбросить, чем немало его позабавил. «Ты просто выкинь на улицу, мигом приберут!» – посоветовал он. Действительно, выкинув скомканные испачканные листы, я минут через десять вышел проверить, что с ними случилось. Исчезли все. В дальнейшем я (думаю, не я один) прибегал к тому же методу, когда хотел избавиться от рваных носок, пустых пачек из-под сигарет, скомканных салфеток и проч. – всё исчезало мгновенно, всё подбиралось и каким-то образом утилизировалось в хозяйстве жителями Дильберджина.

За время пребывания в Афганистане женщин я видел только в городах. Это были не только жены иностранных специалистов, девушки-хиппи, перебивавшиеся в Кабул на зиму из Индии, и редкие туристки, но не так уж мало и местных жительниц, появлявшихся на улицах с открытым лицом и даже в мини-юбках. Женские лица мелькали иногда и во время наших путешествий на север и обратно, в особенности, если нам встречались по пути черные палатки кочевников. Вспоминается и парочка западных туристов на берегу горной речки, которую мы видели в начале подъема к перевалу Саланг: со всех проезжавших мимо афганских машин свешивались люди, чтобы разглядеть длинноногую белую женщину в бикини. Пройдет всего несколько лет, и картинка эта станет просто немыслимой... Наконец, незабываемое впечатление оставило выступление турецко-иранской группы, которая демонстрировала для живших в Мазари-Шарифе советских специалистов танец живота. Причем впечатлен я был не столько танцовщицей и танцем, сколько тем, **как** на это зрелище смотрели три допущенных на него афганца из числа obsługi: казалось, глаза у них фосфоресцируют в темноте и даже как бы вытягиваются на стебельках, как у крабов.

³⁸ См. статью об этих фресках: Кругликова, 1976.

Само собой разумеется, что в лагере на такыре появлялась только одна женщина – Ирина Тимофеевна. Но и за все время проживания в Дильберджине я видел лишь двух представительниц прекрасного пола. Первой была очаровательная полуторагодовалая дочка Эмина: он иногда приходил к нам с нею на руках. Девочка, ещё не прошедшая школы поведения мусульманского ребёнка, не дичилась, взирала на нас с огромным интересом, и иногда с видимым удовольствием болтала ножкой, чтобы услышать самой – и дать услышать зрителям, – как мелодично звенят бубенчики на её серебряном ножном браслете. Вторая встреча была одноразовой, краткой и драматичной. Иногда, когда работа над чистовыми копиями фресок не ладилась, я выходил на улицу, примыкавшую к нашей усадьбе, и, покуривая, прогуливался по ней взад-вперед. И вот однажды впереди показалась девушка лет четырнадцати с кувшином на плече и с открытым лицом. Боже, как она испугалась, когда, подняв глаза, увидела метрах в двадцати от себя молодого мужчину, к тому же неверного! Замерев на секунду, она круто развернулась и буквально пулей унеслась за поворот улицы, где, вероятно, находилась спасительная калитка ее двора.

Что касается сельских детей, то наблюдать их довелось всего однажды, когда наш «газон» зачем-то остановился в Ничке. Там на небольшой площади перед духанами собрались мальчики и девочки в возрасте от пяти до десяти лет. Когда мы вышли из машины, в их рядах обнаружилась лёгкая паника. Девочки отбежали подальше, мальчики, как и полагается мужчинам, не бросились в позорное бегство, но никто из них ни разу не улыбнулся; серьезные, даже насупленные, с неприменными чалмами на головах и в детских чапанах они выглядели как маленькие старички. Когда же я захотел их сфотографировать и попросил Овлякули объяснить, чего от них хочу, только самые старшие сбились в тесную, по-прежнему неулыбчивую кучку. Кто помладше, разбежались, а с одним вообще случилось нечто вроде истерики. И я невольно, по контрасту, вспомнил туркменских детей, увиденных мною двумя годами ранее во дворе жилого дома в Небит-даге, куда наша экспедиционная машина захала залить воды из колонки. Какие же это были чертенята, буквально кипевшие энергией и откровенным интересом ко всему, что представлялось им новым и необычным!

Если бы не некоторые упомянутые выше эпизоды сезона 1970 г., у меня, наверное, сложилось бы твёрдое убеждение в том, что, в отличие от городской, сельская жизнь в королевском Афганистане строго соответствует предписаниям «Хидаи»³⁹. Разве что один Худояр, пренебре-

³⁹ Полное название: «ал-Хидаи фи шарх Билайа ал-мубтади» («Руководство по комментарию к «Началу для начинающего [обучение]»)» – наиболее авторитетный и широко распространённый среди последователей ханафитского мазхаба,

гая праздниками, отступал от канонов, не погружаясь, впрочем, в порок... Вскоре, однако, и дильберджинские наблюдения подтвердили, что в жизни соционормативный идеал никогда не достигается в полном объёме и что отступать от него могут и те, кто по самому своему положению призваны его охранять. К Хаджи-бабе захаживал местный мулла, Овлякули и с ним вёл беседы, кое-что нам пересказывая. Между прочим, когда я, вспомнив многолетнее жениховство Курбана Клыча, спросил, а не мог ли Курбан всё-таки найти себе за плату женщину, Овлякули категорично заявил, что, заведись в селе такая, её забили бы камнями, и сослался при этом на мнение муллы. Однако тот же мулла не отказался выпить с нами разведённого спирта – правда, удостоверившись, что никто, кроме нас, этого не увидит. Запретный напиток так ему понравился, что потом он пару раз сам просил налить ему *наваду шахи*⁴⁰. Возможно, так он поступал, чтобы сделать нам приятное или по иным, непонятным нам, причинам; но в любом случае он знал, что, будучи *ex officio* блюстителем шариата, грубо его нарушает.

* * *

Афганистан не ушел полностью из моей жизни после того, как я перестал туда ездить. В 1970 г. я познакомился с инспектором местного Института археологии Абдулом Хабибом. После 1978 г. Абдул Хабиб стал студентом МГУ, бывал у меня в гостях, а однажды привел с собой своего двоюродного брата Мухаммеда, офицера, который окончил Рязанское летное училище, с нежностью вспоминал своих рязанских подругек и был одним из тех, кто делал Апрельскую революцию. Это был веселый обаятельный человек, хорошо говоривший по-русски и, как мне тогда показалось, искренне считавший, что в Афганистане можно быстро воссоздать ту социальную атмосферу, что очаровала его в Рязани. Мы выпили бутылку водки, съели плов и расстались, не подозревая, что больше не увидимся...

Когда в Афганистан были введены советские войска, первое, что мне вспомнилось об этой стране, был отчуждающий взгляд Агамамада Атала. Соответственно первая реакция была: «Боже, куда полезли?!» Я уже тогда ясно понимал, что нетерпение сердца одних (в Афганистане), элементарное невежество и приверженность идеологической догме других (в Кремле) до добра не доведут. Но в то же время я помнил и о палке, чуть не расскешей лицо попрошайки, об Эмине, всегда готовом нажать на нищете и за чужой счет, о замазанных солидолом ручейках крови на растрескавшихся руках наших рабочих, о нитяных чапанах, не способных защитить от пронизывающего ноябрьского ветра. И об уве-

к которому принадлежат и тюрки Северного Афганистана, кодекс основных норм шариата (Ислам... 2003. С. 90–91).

⁴⁰ На дари – буквально «девяносто шесть»: крепость неразведенного спирта.

ренности простых крестьян-пуштунов в своем превосходстве над всеми остальными, о неулыбчивых детях, о Курбане, утешающимся с ишаком, о суррогатном баче, купленном на ночь Мухамедом Амином...

Все это было обыденной повседневностью афганской жизни до революции, и казалось, что в этой повседневности люди готовы были жить и дальше. На деле же утрата элементарных основ физической безопасности многими, кто был «внизу», и демонстрационный эффект иной жизни, толкнувший к действию немногих «наверху», с двух сторон обрушили ветхую стабильность королевства...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашин С. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности / иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии // Вестник Евразии, 1999, № 1–2 (6–7). С. 92–112.
- Демидов С.М. Туркменские овляды. Ашхабад: Ылым, 1976.
- Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4 / Сост., отв. ред. С.М. Прозоров М.: Восточная лит-ра. 2003.
- Кадыров Ш.Х. Российско-туркменский исторический словарь в 2 т. Т. 1. Bergen, Б-ка альманаха «Туркмены», 2001.
- Коргун В.Г. История Афганистана. XX век / Ин-т востоковедения РАН. М.: Крафт, 2004.
- Коргун В.Г. Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. М.: Либроком, 2009.
- Кругликова И.Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. С. 87–110.
- Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Там же. С. 3–20.
- Кудрявцев М.К. Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни). М.: Наука, 1971.
- Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. С. 5–22.
- Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке / Вступ. ст., коммент. В.А. Кореняко. М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Массон В.М. Страна тысячи городов. М.: Наука, 1966.
- Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. II. Афганистан в Новое время. М.: Наука, 1965.
- Мендкович Н. Потери в войне 1979–1989 гг. // Афганистан.Ру, 12.06.2009. URL: <http://afghanistan.ru/doc/14905.html>
- Мориер Д. Похождения Хаджи-Бабы из Исфахана. Вольный пер. с англ. Осипа Сенковского // Звезда Востока, Ташкент. 1993, № 5–6.
- Народы России. Энциклопедия / Глав. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1994.
- Некролог. О. Бердыев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Краткие сообщения Ин-та археологии, вып. 142. М.: Наука, 1975. С. 124–125.
- Платонов А. Такыр // А. Платонов. Потомки солнца. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1974. С. 450–471.
- Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М.: Наука, 1976.
- Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977.
- Сарияниди В.И. Исследование памятников дашлинского оазиса // Древняя Бактрия... С. 21–86.

- Слинкин М.Ф. Мухаммад Дауд. Политический портрет // Культура народов Причерноморья, 2001, № 23. С. 245–251.
- Соловьёв Л. Повесть о Ходже Насреддине. М.: Молодая гвардия, 1958.
- Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.: Наука, 1964.
- Хосейни Х. Бегущий за ветром. Пер. с англ. С. Соколова. М.: Phantom Press, 2008.
- Bibliography of the publications of Victor Sarianidi // У истоков... С. 27–38.
- Borofko N. Viktor Ivanovich Sarianidi // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2014, Vol. 20, Issue 2. P. 267–270.
- Breman J. Patronage and Exploitation: Changing Agrarian Relations in South Gujarat, India. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1975.
- Brinkley J. Afghanistan's dirty little secret // San Francisco Chronicle, 29.10.2010. URL: <http://www.sfgate.com/opinion/brinkley/article/Afghanistan-s-dirty-little-secret-3176762.php>
- DAFA Délégation archéologique française en Afghanistan. URL: <http://www.dafa.org.af>.
- Ferozi A.W. The Impact of War upon Afghanistan's Cultural Heritage. Statement by Mr. Abdul Wasey Ferrozi, Director General of the National Institute of Archaeology, Ministry of Information and Culture of Afghanistan at the 105th Annual Meeting of the Archaeological Institute of America in San Francisco, January 3, 2004.
- Jongmans D.G. Politics on the village level // J. Boissevain and J. C. Mitchell (eds.). Network Analysis Studies in Human Interaction. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
- Kassab A. L'évolution de la vie rurale dans les régions de la Moyenne Medjerda et de Béja-Mateur. Tounis: Université de Tunis, 1979.
- Quisumbing L.R. Some Filipino (Cebuano) Values and Attitudes Viewed in Relation to Development (A Sebuano Looks at Utang-Na-Loob and Hiyâ // T. R. Williams (ed.). Psychological Anthropology. The Hague, Paris: Mouton, 1975. P. 547–558.
- Rothschild E. What is Security // Daedalus, Summer 1995. Issued as Vol. 124, No. 3, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. P. 53–97.

REFERENCES

- Abashin S. Vopreki “zdravomu smyslu”? // Vestnik Evrazii. 1999. № 1–2 (6–7). S. 92–112.
- Bibliography of the publications of Victor Sarianidi // U istokov tsivilizatsii. Sbornik statei k 75-letiiu Viktora Ivanovicha Sarianidi / Red.: Kosarev M.F., Kozhin P.M., Dubova N.A. M.: Staryi sad, 2004. S. 27–38.
- Borofko N. Viktor Ivanovich Sarianidi // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2014. Vol. 20. No. 2. P. 267–270.
- Breman J. Patronage and Exploitation: Changing Agrarian Relations in South Gujarat, India. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1975.
- Demidov S.M. Turkmenskije ovljadi. Ashkhabad: Ylym, 1976.
- Jongmans D.G. Politics on the village level. J. Boissevain and J.C. Mitchell (eds.). Network Analysis Studies in Human Interaction. The Hague, Paris: Mouton, 1973.
- Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar' / Otvetstvennyi redaktor: S.V. Prozorov. Vyp. 4. M.: Vostochnaia literaturara, 2003.
- Kadyrov Sh.Kh. Rossiisko-turkmenskii istoricheskii slovar'. Tom 1. Bergen, Biblioteka al'manakha “Turkmeny”, 2001.
- Kassab A.L'évolution de la vie rurale dans les régions de la Moyenne Medjerda et de Béja-Mateur. Tounis: Université de Tunis, 1979.
- Khlopin I.N. Geoksiurskaia gruppa poselenii epokhi eneolita. M.: Nauka, 1964.
- Korgun V.G. Istoriia Afganistana. XX vek. M.: Kraft, 2004.
- Korgun V.G. Rossiia i Afganistan: istoricheskie puti formirovaniia obraza Rossii v Afganistane. M.: Librokom, 2009.
- Kruglikova I.T. Nastennnye rospisi Dil'berdzhina. I. T. Kruglikova (red.). Drevniaia Baktriiia. Materialy Sovetsko-Afganskoi ekspeditsii 1969–1973 gg. M.: Nauka, 1976. S. 87–110.
- Kruglikova I.T., Sarianidi V.I. Piat' let raboty Sovetsko-Afganskoi arkheologicheskoi ekspeditsii // Ibid., S. 3–20.

- Litvinskii B.A. Viktor Ivanovich Sarianidi – legenda arkeologii Tsentral'noi Azii // U istokov tsivilizatsii... S. 5–22.
- Masson V.M. Strana tysiachi gorodov. M.: Nauka, 1966.
- Masson V.M., Romodin V.A. Istorii Afganistana. T. II. Afganistan v novoe vremia. M.: Nauka, 1965.
- Narody Rossii. Entsiklopediia / Glav. red. V.A. Tishkov. M.: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1994.
- Nekrolog. O. Berdyev // Pamiatniki epokhi bronzy i rannego zheleza. Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii, vyp. 142, M.: Nauka, 1975. S. 124–125.
- Poliakov Iu.A., Chugunov A.I. Konets basmachestva. M.: Nauka, 1976.
- Quisumbing L.R. Some Filipino (Cebuano) Values and Attitudes Viewed in Relation to Development (A Sebuano Looks at Utang-Na-Loob and Hiyâ. T. R. Williams (ed.). Psychological Anthropology. The Hague, Paris: Mouton, 1975. P. 547–558.
- Rothschild E. What Is Security // Daedalus, Summer 1995. Issued as vol. 124, no. 3, of the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. P. 53–97.
- Sarianidi V.I. Drevnie zemledel'tsy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoi ekspeditsii 1969–1974 gg. M.: Nauka, 1977.
- Sarianidi V.I. Issledovanie pamiatnikov dashlinskogo oazisa // I.T. Kruglikova (red.). Drevniaia Baktriia... S. 21–86.
- Slinkin M.F. Mukhammad Daud. Politicheskii portret // Kul'tura narodov Prichernomor'ia. 2001. № 23. S. 245–251.

Панарин Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока в Институте востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия); sergpanar@mail.ru

In Royal Afghanistan (Remembrance-cum-article)

This text combines the earmarks of academic article and freely unfolding memories. The author had a possibility to make a participant observation during his stay in the Northern Afghanistan as a member of the Soviet-Afghan archaeological expedition. He looked at two social groups; on the one side, for the manners and meager conditions of excavation workers who were landless sharecroppers and agricultural laborers; on the other hand, there were everyday encounters with the representatives of rather prosperous rural elite, who widely differ in their worldview and ways of income earning. The article also touches upon the Afghan village appearance and visible signs of rural poverty, a bloody conflict between the local Pashtuns and Turkmens, very strict segregation of sexes and the issuing modals for satisfaction of male sexual needs.

Keywords: archaeological expedition, Northern Afghanistan, excavation workers, fighting, sex segregation, village view, Kurban Klych, Akhmed, Khadzhi-baba

Sergei Panarin, PhD in History, Head of the Centre for the Study of Common Problems of the Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); sergpanar@mail.ru